

© 1994 г.

К. Абдуллаев, С. Раимкулов

## СЦЕНА ТРИУМФАЛЬНОГО ШЕСТВИЯ НА ГЕММЕ ИЗ КУНДЖУТЛИТЕПА

(КАШКАДАРЬЯ)

**П**убликуемая гемма была обнаружена в ходе археологических работ на сельском поселении Кунджутлитепа, расположенном в 1,5 км к востоку от городища Еркурган (Кашкадарьинская область). Поселение представляет собой небольшой округлой формы холм высотой 4,5 м. В результате раскопок были вскрыты более 30 помещений раннесредневекового времени, относящихся к верхнему строительному горизонту. Керамический комплекс верхнего горизонта датируется второй половиной VI в. н.э. — началом VII в. н.э.<sup>1</sup> Гемма была найдена в заполнении помещения № 14.

Гемма представляет собой кабошон 2,1:1,8:0,5 см с резным изображением (инталия). Она овальной формы, цвет камня близок к черному, на просвет фиолетово-красный — разновидность граната. Композиция триумфального шествия, изображающая слона в профиль влево с сидящим у основания головы погонщиком и седоком на крупе, искусно вписывается в овальную форму камня. Летящий позади ангел венчает голову седока венком, украшенным длинными развевающимися лентами. В руке у погонщика (*карнака*) копьевидная палка с загнутым концом — *анк*; центральный персонаж держит над его головой длинную изогнутую ветвь, левая рука его поднята при этом выше уровня плеча. Лица показаны в профиль, отчетливо прослеживаются детали — прическа седока из волос, закрученных валиком, нос, составляющий прямую линию со лбом, широкие брови, усы. Персонаж одет в длинную перепоясанную в талии рубаху с длинным рукавом. Низ одежды образует сбоку острый угол, подчеркнутый рельефными линиями, передающими форму складок. Можно отметить также узкие облегающие шаровары и мягкую обувь, перехваченную у щиколотки ремешком.

Фигурка погонщика передана в более мелком масштабе. Его прическа из прямых волос, собранных на темени в округлый пучок, обнаженный торс, перехваченный на талии и бедрах двумя рельефными полосками, еще одна полоска ниже, на уровне бедра (по всей видимости, деталь набедренной одежды) — все эти признаки говорят об индийском облике персонажа. Положение рук такое же, как и у предыдущей фигуры, левая нога прикрыта ухом слона. На крупе слона чепрак округлой формы, хобот опущен и слегка подогнут между длинными бивнями, правая передняя нога приподнята и выставлена вперед, глаза непропорционально большие. Моделировка тела мягкая, пластичная.

Высокая степень реализма в передаче фигур говорит о безупречном мастерстве и

<sup>1</sup> Отчет Кашкадарьинского археологического отряда Института археологии АН УзССР за полевой сезон 1988 г. (архив).



Рис. 1. Гемма из Кунджутлтепа

хорошем знании природы. В изображениях, несмотря на мельчайшую детализацию, можно усмотреть и некоторую условность, в частности, в непропорциональном увеличении головы центрального персонажа и особенно в фигуре летящего ангела, выполненной несколькими уверенными штришками. Положение его тела почти вертикальное, руки, держащие венок, подняты, приподнята и голова, форма крыла видна лишь отчасти (на этом месте скол), ноги разведены и слегка согнуты, штрихом чуть намечен половой орган. Голова ангела украшена лентой.

В левой части геммы надпись, идущая вдоль изображения и вписанная в пространство от конца хобота слона до анка погонщика, т.е. вертикально (рис. 1).

Надпись была прочитана В.А. Лившицем и содержит одно слово, передающее, по всей вероятности, собственное имя владельца<sup>2</sup>: βγ'ηβγυ (менее вероятно βγ'ηβγz), буквально «Плод богов» (Vaγānvarē); для βγ'ηβγz возможно толкование «возвышенный (благодаря) богам», Vaγānparz. По мнению В.А. Лившица, данная гемма — старейшая из известных до сих пор немногочисленных памятников согдийской глиптики.

Несмотря на достоверность датировки археологического комплекса, где найдена гемма, раннесредневековым периодом, последняя по своим иконографическим признакам относится к более раннему времени. На это указывают как детали изображения, так и композиция в целом. Центральный персонаж композиции явно знатного происхождения одет в костюм, известный в сако-парфянском мире. Длинная свободная рубашка с заостренными по бокам углами — одна из наиболее характерных

<sup>2</sup> Авторы выражают глубокую признательность В.А. Лившицу, прочитавшему надпись и давшему к ней комментарий.

деталей костюма кочевников саков, рассчитанная, по всей видимости, на свободу движений всадника. Наиболее близкую аналогию находим на рельефе из музея Торонго со сценой сакских воинов<sup>3</sup>. Здесь мы видим тот же костюм, узкие шаровары и мягкую обувь, стянутую ремешком, и сходную трактовку головы с длинными, спадающими до плеч волосами: на рельефе это либо крупные букли в ряд, либо прямые волосы, завитые на концах, которые образуют валик, обрамляющий лицо. Последний тип куафюры и представлен на гемме. Подобная прическа представляет собой один из излюбленных и наиболее часто встречаемых типов прически в парфянской монетной иконографии в портретах парфянских царей<sup>4</sup>.

Особого внимания заслуживает атрибут главного персонажа. Воздетая рука передает традиционный жест покровительственной власти, широко известный в искусстве эллинистического Востока. Интересна манера изображения самого атрибута: это прямая короткая линия, идущая на конце на излом и имеющая короткое разветвление. Подобная манера изображения была продиктована, по всей вероятности, особенностью композиции; фигура сидящего впереди карнака не позволила мастеру изобразить ветвь прямо перед персонажем, поэтому она размещена над головой погонщика, как бы огибая ее. Таким образом, ломаная линия с двумя разветвлениями не может трактоваться иначе, как изображение ветви растения. О характере растения судить затруднительно из-за условности его изображения; вероятно, это пальмовая ветвь, столь популярная в эллинистическом искусстве. Известны греко-бактрийские монеты с изображением божеств с пальмовой ветвью<sup>5</sup>, монеты Лисия с изображением фигуры Геракла с палицей и ветвью<sup>6</sup>, Зевса Никефора на монетах Аминтаса<sup>7</sup> и т.д.

Подобные атрибуты встречаются также и в индо-парфянской монетной иконографии. На индо-парфянских монетах хотелось бы отметить и другую особенность изображения, позволяющей сблизить сюжеты сако-парфянских монет с композицией на гемме. Это изображение царственных всадников с простертой вперед рукой, держащей символ власти, в некоторых случаях это короткий предмет с загнутым на конце крюком, напоминающим анк. К таковым относятся изображения на монетах Азилеса, Азеса, Гондофара, Сотера Мегаса<sup>8</sup>. На монетах Гондофара фигуру на коне с вытянутой вперед рукой в покровительственном жесте сзади венчает фигурка летящей Ники (Хванинды)<sup>9</sup>, что еще более усиливает сходство с изображением на гемме. В связи с вышеупомянутым атрибутом можно сослаться и на изображение на булле из Еркургана, где представлена сцена покровительства или благословения, выраженная жестом божества на грифоне, протянувшего символ власти над чашей, которую держит, по всей вероятности, жрец<sup>10</sup>.

Как видно, сцены венчания царя являются одним из излюбленных сюжетов, украшающих аверсы парфянских монет<sup>11</sup>. Парфянская же монетная иконография демонстрирует несколько другую инвеститурную сцену, где божество вручает инсигнии власти в виде ветви растения (пальмы) и короны. Показательна в этом отношении тетрадрахма Артабана II, чеканенная в Селевкии на Тигре; на ней изображен царь, сидящий на троне и получающий ветку от женского божества — Тихе (?), причем тут же — более мелкая по масштабу фигурка мужчины (побежденный или вассал)<sup>12</sup>.

<sup>3</sup> Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Los Angeles-Berkeley, 1967. Fig. 59.

<sup>4</sup> Sellwood D. An introduction to the coinage of Parthia. L., 1980. Pl. 3(1). P. 279—298. Pl. 1—9.

<sup>5</sup> Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-scythian coinage. V. I. L., 1975. Type 168, 176. P. 88, 91.

<sup>6</sup> Ibid. Type 259—265. P. 142—144.

<sup>7</sup> Ibid. Type 385, 388—389, 391—394. P. 219.

<sup>8</sup> Srivastava A.K. Catalogue of Saka-Pahlava coins of North India. Lucknow, 1972. Pl. IV, 1-5, 7, 9, 11; V, 4; V, 6-8; VII, 1-4.

<sup>9</sup> Mukherjee B.N. Kushana silver coinage. Calcutta, 1982. P. 22. Pl. V, 25.

<sup>10</sup> Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. / Под ред. К. Абдуллаева, Э.В. Ртвеладзе, Г.В. Шишкиной. М., 1991. № 289; литературу о булле см. там же, с. 183.

<sup>11</sup> Sellwood. An Introduction... P. 168(19, 36); P. 132 (42, 1); 50(15).

<sup>12</sup> Ibid. 62(1).



Рис. 2. Монета императора Тиберия (прорисовка)

Сцены триумфального шествия, как известно, занимают видное место в искусстве древнего Рима. Как результат синтеза с изобразительными традициями древнего Востока в нем появляются сюжеты, мотивы которых являются более характерными для восточных провинций и отражают те или иные политические события, связанные с борьбой в восточных областях. Так, на монетах Цецилия Метелла, чеканенных в Риме, изображение Юпитера на слоновьей биге и летящая с венком навстречу фигура Виктории все еще напоминают, по всей видимости, победу Луция Цецилия Метелла над Гасдрубалом при Панории в 250 г. до н.э.<sup>13</sup>, а изображение царя на слоновьей биге с простертой вперед рукой, держащей ветку и скипетр в левой на динариях Августа, свидетельствуют о событиях, связанных с борьбой с могущественным противником — Парфией<sup>14</sup>. Можно указать и на другую серию монет Августа<sup>15</sup>, где на реверсе изображена сцена с коленопреклоненным бородатым персонажем в парфянском костюме, протягивающим знаки власти победителю-царю. Если ветка лавра символизирует славную победу над неприятелем, то изображение слонов в данном контексте может быть истолковано не иначе, как победа над восточным противником, в данном случае парфянами. Подтверждением этому служит серия монет того же Августа с изображением парфянина в коленопреклоненной позе, протянувшего скипетр. Наконец, манера трактовки ветви на гемме, т.е. ее необычная форма с изломом, находит свои аналогии на тех же монетах Августа<sup>16</sup>.

В качестве близкой аналогии к композиции на гемме можно привести изображение на монетах Тиберия, на которых в монетный круг вписано шествие слоновьей квадриги с погонщиками на шеях слонов, влекущих повозку (колесницу) с водружен-

<sup>13</sup> Bourgey S., Depeyrot G. La Republique Romaine. Collections numismatiques. Editions France. P., 1988. № 136.

<sup>14</sup> Mattingly M.A. A catalogue of the Roman coins in the British Museum. L., 1965. Pl. 1, 19.

<sup>15</sup> Ibid. Tabl. 1, 7.

<sup>16</sup> Ibid. Tabl. 2, 9.



1.



2



4



5



3



6



7

Табл. I. 1 — динарий Августа; 2 — монета Цецилия Метелла; 3 — монета Санаб Герая; 4,5 — серебряные фалары из Британского музея (по О.М. Dalton); 6 — фигуры сакских воинов, фрагмент изображения с рельефа из музея Торонто; 7 — кушанская гемма (по R. Göbl)



1



2



5

Табл. II. 1 — лицевая сторона драхмы Дария (?); 2 — оборотная сторона тетрадрахмы Фрата IV; 3, 4 — оборотные стороны тетрадрахм Артабана II; 5 — терракотовый медальон из Халчаяна



3



4



РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНА

ней трон. На троне восседает царь, в правой руке его, вытянутой вперед, ветвь, в левой — длинный скипетр<sup>17</sup> (рис. 2).

Вышеприведенные примеры отнюдь не исчерпывают круга памятников, посвященных теме триумфального шествия, прославления императоров и их деяний; тема эта приобретает ведущее положение в искусстве императорского Рима<sup>18</sup>. В то же время, несмотря на бесчисленные столкновения и войны с могущественным противником на востоке — Парфией, в художественной и духовной культуре Рима прочно утверждается идея прокламации царской власти «обожествленных» цезарей, и явление это развивается не без влияния восточных государств и провинций. Определенную роль в этом сыграла, по всей видимости, и Парфия, установившая со второй половины III в. до н.э. независимость от селевкидского царствующего двора<sup>19</sup>.

Рассматривая тему божественной власти в искусстве эллинизированного Востока, следует подчеркнуть один важный момент. Сама идея обожествления царской власти восходит к древневосточным цивилизациям. В частности, в искусстве ахеменидского Ирана она получает свое яркое отражение не только в монументальных архитектурных ансамблях (Персеполь, Пасаргады, Сузы и т.д.), но и в не менее монументальных надписях, высеченных на скалах и на рельефах религиозно-культового характера, в которых прокламируется власть царя, дарованная ему верховным божеством — это либо Ахурамазда в ранние периоды, либо присоединившиеся к нему Митра и Анахита<sup>20</sup>. Выполнение функций верховного жреца в важнейших храмах главных божеств Ирана является логическим продолжением в деятельности царя — наместника бога на земле. Традиция обожествления царской власти повлияла, как известно, и на политику Александра Македонского в период его победоносных походов на Восток, когда он объявил себя сыном бога и принимал божественные почести, что вызвало недовольство у демократически настроенных греко-македонян. Несмотря на, казалось, бы негативное отношение к этому факту и к процессу ориентализации греко-македонской аристократии, в последующий селевкидский период наблюдается упрочение культа царя — установление храмов и статуй их обожествленным предкам и даже здравствующим царям<sup>21</sup>.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе, который заслуживает особого рассмотрения, можно вкратце отметить, что в последующие периоды культ царя прочно утверждается в греко-бактрийском государстве. Хотя мы и не располагаем прямыми указаниями на наличие специальных храмов, посвященных культу обожествленных предков царей, но нумизматические данные достаточно красноречивы, чтобы допустить возможность существования таких святилищ. В качестве подтверждения можно напомнить выпуски монет с божественными эпитетами имен предков царей.

В юэчжийский период Бактрии и Согда тема венчания и обожествления царской власти продолжает успешно развиваться во всех сферах художественной культуры. В официальном искусстве это наиболее ярко выразилось на выпусках монет Санаб Герая, где фигура царственного всадника венчается летящим божеством, в данном случае Никой-Хваниндой. Следует отметить, что монеты Санаб Герая «Кушана» — одна из наиболее представительных серий на территории Бактрии юэчжийского периода<sup>22</sup>.

<sup>17</sup> Giard J.-B. Catalogue des monnaies de l'Empire Romain. T. II. P., 1988, P. 111, 112. Pl. V, 84.

<sup>18</sup> Bandinelli R.B. Die Romische Kunst. Dresden, 1975; Колинский Ю.Д., Брутова Н.Н. Искусство этрусков и древнего Рима. М., 1982.

<sup>19</sup> Debevoise N.C. A Political History of Parthia. N.Y., 1968. P. 9—28.

<sup>20</sup> Надпись Артаксеркса II о сооружении дворца в Сузах. По изданию: Kent R. Old Persian. New-Haven, 1950.

<sup>21</sup> Бикерман Э. Государство селевкидов. М., 1985. С. 221—240.

<sup>22</sup> Зограф А.Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937; Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4. С. 56—78; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 149—157.



Из памятников кушанской Бактрии в качестве аналогии можно привести гемму, опубликованную в обширном труде по кушанской нумизматике Р. Геблем<sup>23</sup>. На гемме изображено шествие на слоне. Сходство в данном случае исчерпывается лишь близостью композиционного построения. Если же брать такую деталь композиции, как венчание, то уместно было бы привлечь и материал из некрополя Тилля-тепе, где на одной из пряжек показана сцена шествия Диониса на фантастическом животном (грифоне)<sup>24</sup> (табл. I).

Данная тематика была популярна у широких слоев городского населения, о чем свидетельствует материал терракот. Большой интерес в этом отношении представляет терракотовый медальон из античной Бактрии. Он был найден в процессе раскопок Халчаяна<sup>25</sup>. В центре рельефной композиции изображен государь, восседающий на зооморфном троне. Справа от него стоит фигура приближенного, слева над плечом летящая фигурка Ники-Хванинды, венчающая голову царя. Оба персонажа показаны в длинных кафтанах и шароварах, заправленных в мягкую обувь, голову венчает остроконечная шапка. В правой руке тронного персонажа длинная ветвь (табл. II).

Автор публикации основывает датировку халчаянского медальона на стратиграфических условиях находки, а также на стилистических данных<sup>26</sup>. Медальон был найден в слое, который покрывал завал, здесь же была найдена монета Васудевы I. Таким образом, медальон предшествует этой дате (ок. 200 г. н.э.). Композиционно к рассматриваемому образцу близки произведения монументальной скульптуры раннекушанского времени (Матхура)<sup>27</sup> с тронными статуями Вимы Кадфиза, в которых еще можно усмотреть влияние эллинистической пластики с ее характерной, полной динамизма и непринужденности манерой в передаче сложных форм и ракурсов. Если сюда же добавить парящую фигуру Ники, то сцена во многом напомнит памятники медальерного искусства и скульптуры Парфии периода расцвета эллинизма.

Круг памятников, привлеченных нами в качестве аналогий к композиции на гемме, хронологически смыкается на времени от I в. до н.э. до I — начала II в. н.э. Несмотря на тот факт, что гемма была извлечена из раннесредневекового слоя, бесспорна ее более древняя датировка, произведения глиптики живут долго. Иконографические особенности геммы поднимают в то же время ряд вопросов, связанных с характером развития художественной культуры Южного Согда, где отдельные сюжеты в памятниках изобразительного искусства представляются на первый взгляд нетрадиционными для данного региона и более всего ассоциируются с комплексами соседних Бактрии и Парфии. О культурных связях с последними, судя по образцам художественного ремесла, можно говорить не только как о кратковременных контактах торгового характера или же религиозных движениях.

Южный Согд в древние времена представлял, очевидно, зону интенсивных миграций из Бактрии в Согд (и обратно), как об этом свидетельствуют письменные источники. Об исторических связях и периоде владычества парфянской династии в Нахшебе упоминал в свое время еще А. Де ла Фуи, впоследствии эта точка зрения была подтверждена и развита в работе М.Е. Массона<sup>28</sup>. Возможность существования в исторической судьбе Нахшеба династии парфян отмечает также С.К. Кабанов,

<sup>23</sup> Göbl R. Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984. Taf. 177. 1.

<sup>24</sup> Sarianidi V.I. Bactrian Gold. Leningrad, 1985. P. 77—79.

<sup>25</sup> Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966; она же. Скульптура Халчаяна. М., 1971; она же. Еще о халчаянской скульптуре // Центральная Азия. Новые памятники искусства и письменности. М., 1987. С. 253—267.

<sup>26</sup> Она же. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна // ВДИ. 1962. № 2. С. 88—95.

<sup>27</sup> Она же. Халчаян. С. 237.

<sup>28</sup> Массон М.Е. Парфяно-согдийские монеты долины Кашкадарьи // История и культура античного мира. М., 1977. С. 131—137.

основывая в целом это предположение на особенностях как изображения на монетных кружках, так и ряда памятников короластического искусства<sup>29</sup>.

Рассмотренный в данной статье сюжет триумфального шествия, так же как и гемма в целом, не является исчерпывающим аргументом в пользу такого предположения, однако он дополняет круг памятников искусства, принадлежащих среде сакских или парфянских племен на их пути в Индию.

---

<sup>29</sup> Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III—IV вв. Ташкент, 1981. С. 100—102.

#### SCENE OF TRIUMPHAL PROCESSION ON THE GEM FROM KUNDZHUTLITEPA (KASHKADARYA)

*K. Abdullayev, S. Raimkulov*

The gem was found in early medieval strata of the settlement of Kundzhutlitepa, 1,5 km from the fortified town of Erkurgan (Kashkadarya Region), but it belongs to an earlier period. The range of close analogies is confined within the chronological time frame from the second half of the 1st century B.C. to the early 2nd century A.D. The early Sogdian inscription on the gem conveys the name of the owner which meant «Fruit of gods».

The theme of a triumphal procession on the gem is one of the most popular subjects of the Hellenistic East with its roots in a more ancient stratum of ancient eastern civilizations. The theme of a triumphal procession and coronation closely connected with the idea of the glorification and deification of royal power finds analogies in the art of Graeco-Bactria, Parthia and Rome and later in monetary iconography of Sako-Parthians, Kushans and other nomadic peoples who passed through Central Asia to the Indian subcontinent.